

Образ Кубы в письмах американских граждан Н.С. Хрущеву во время Карибского кризиса

The Image of Cuba in American Citizens' Letters to N.S. Khrushchev During the Cuban Missile Crisis

Аванская Виктория Артуровна

Институт всеобщей истории РАН.

Victoria Avanskaya

Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Mail: viktysa@mail.ru;

ORCID: 0009-0004-1847-5351

Аннотация: Статья посвящена анализу роли образа Кубы в письмах американских граждан, адресованных Н.С. Хрущёву в разгар Карибского кризиса 1962 г. Исследование фокусируется на восприятии Кубы как политического и символического субъекта, её значении в конфронтации двух сверхдержав, а также на эмоциональных реакциях, отражённых в этих письмах. Карибский кризис, достигший апогея после обнаружения советских ракет на Кубе, стал важнейшим эпизодом Холодной войны, породившим общественные тревоги и страхи, которые проявились в письмах, адресованных лидеру СССР. Автор рассматривает письма как важный исторический источник, позволяющий изучить социальные и культурные практики передачи эмоций. Применяя методы социального конструктивизма, исследование демонстрирует, как эмоции, такие как страх, гнев или надежда, трансформировались в политически значимые формы групповой иден-

тичности. Письма показывают, что доминирующий образ Кубы как опасного "Другого" служил инструментом конструирования эмоционального сообщества, объединявшего граждан США и СССР, одновременно исключая Кубу из этой группы. Статья подчёркивает уникальность восприятия Кубы как символа угрозы и выделяет её маргинальное место в общественном сознании американцев, которые редко идентифицировали себя с кубинским народом. Анализ также раскрывает потенциал эмоций как инструмента для формирования новых идентичностей в условиях глобальных конфликтов. Выводы исследования подчеркивают, что Карибский кризис способствовал не только эскалации политических напряжений, но и трансформации международных отношений через эмоциональные и культурные механизмы.

Ключевые слова: Карибский кризис, образ Кубы, письма Хрущеву, эмоциональная дипломатия, Холодная война, групповая идентичность, советско-американские отношения, социальный конструктивизм.

Abstract: The article analyzes role of the image of Cuba in the letters of American citizens addressed to N.S. Khrushchev at the height of the Cuban Missile Crisis of 1962. The study focuses on perception of Cuba as a political and symbolic subject, its significance in the confrontation between the two superpowers, as well as the emotional reactions reflected in these letters. The Cuban Missile Crisis, which reached its apogee after the discovery of Soviet missiles in Cuba, became the most important episode of the Cold War, giving rise to public anxieties and fears that were manifested in letters addressed to the leader of the USSR. The author considers the letters as an important historical source that allows us to study the social and cultural practices of conveying emotions. Using the methods of social constructivism, the study demonstrates how emotions such as fear, anger, or hope were transformed into politically significant forms of group identity. The letters show that the dominant image of Cuba as a dangerous "Other" served as a tool for constructing an emotional community that united citizens of the USA and the USSR, while excluding Cuba from this group. The article highlights the uniqueness of

the perception of Cuba as a symbol of threat and highlights its marginal place in the public consciousness of Americans, who rarely identified with the Cuban people. The analysis also reveals potential of emotions as a tool for the formation of new identities in the context of global conflicts. The findings of the study emphasize that the Cuban Missile Crisis contributed not only to the escalation of political tensions, but also to the transformation of international relations through emotional and cultural mechanisms.

Keywords: Cuban Missile Crisis, image of Cuba, letters to Khrushchev, emotional diplomacy, Cold War, group identity, Soviet-American relations, social constructivism

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-77-94

Дата публикации: 29.11.2024

Дата получения: 21.09.2024

Ссылка для цитирования:

Аванская В.А. Образ Кубы в письмах американских граждан Н.С. Хрущевы во время Карибского кризиса // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 44. С.77-94. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-77-94

22 октября 1962 г. президент Дж. Кеннеди обратился к народу США с новостями о размещении Советским Союзом ракет на острове Куба. Речь президента поразила американцев, многие из которых уже были обеспокоены Берлинским кризисом и последствиями гонки ядерных вооружений. В тот же вечер 22 октября американцы начали писать письма Кеннеди, Н.С. Хрущеву и позже Генеральному секретарю ООН У Тану. Страх и тревога, вызванные конфронтацией между мировыми сверхдержавами достигли пика после этой речи. Обращение Кеннеди побудило многих американцев взяться за перо и написать Никите Хрущеву. Многие письма были датированы 22 октября или следующим днем, и их авторы прямо заявили, что пишут текст письма сразу после речи президента.

Письма, написанные 22 октября, дают представление о не-

медленной реакции на события на Кубе. Написанные до того, как американцы успели обсудить новости с друзьями и соседями или прочесть уже сформированные мнения в СМИ, эти письма передают сырые эмоции авторов: гнев и страх, а также надежду, что их письма могут что-то изменить.

Речь Кеннеди дала понять, что мир находится на грани войны, в которой может быть использовано ядерное оружие. Люди ощутили острую необходимость донести свое мнение и попытаться повлиять на ситуацию. Кроме этого, телевизионная трансляция речи Кеннеди усилила её эффект, президент словно находился в одной гостиной с каждой из американских семей. События казались максимально близкими и личными, и побудили многих к незамедлительным действиям.

Целью данной статьи является изучение функции образа Кубы в текстах писем, адресованных Н.С. Хрущёву. Рассматриваемый корпус источников позволяет изучить образ Кубы и кубинского народа в этом конфликте, а также причины его появления или наоборот отсутствия в обращении к лидеру советского государства. Автор исследует репертуар образов, актуализировавшийся угрозой ядерной войны, а также строит объяснительную модель как для случаев использования образа Кубы в письмах Хрущеву, так и случаев его отсутствия.

Методология, которая используется в исследовании, опирается на методы социального конструктивизма, что позволило изучить эмоции, не связывая их с телом, тем самым давая возможность изучать не только индивидуальные, но и групповые эмоции. Ранее сама идея изучения групповых эмоций в истории и политологии отвергалась, но благодаря распространению социально-конструктивистских подходов это изменилось. Так, проникшие в гуманитарное знание результаты исследований мозга Антонио Дамасио показали, что эмоции играют ключевую роль в принятии решений и формировании идентичности, что изменило подход к изучению поведения государств в международных отношениях. Его идеи о «соматических маркерах» и связи эмоций с идентичностью помогли объяснить, как эмоциональные переживания, такие как страх, гордость или унижение, влияют на динамику конфликтов, в том числе и между-

народных, а также на формирование союзов и национальную политику¹. Такое исследование оспаривает традиционное понимание рациональности в международных отношениях, подчёркивая значимость человеческой природы, эмоций и культурного контекста.

Скрещение гуманитарных и естественнонаучных методов имеет свои минусы. Так, нейробиологи могут пользоваться различными приборами, какими как МРТ, а вот историки не имеют подобного доступа к телу, особенно когда речь идет об изучении групповых эмоций. В этих условиях гуманитарные исследователи обратились к культурным и социальным практикам передачи эмоций. Для удобства эти практики принято назвать эмоциональными репрезентациями, то есть способами передавать и считывать эмоции друг друга². Письма являются одним из таких способов, который начал преобразовываться в социальную практику во второй половине XVIII в., когда развитие транспорта и трансатлантическая торговля с одной стороны привели к разлучению семей и друзей, а с другой стороны позволили поддерживать эмоциональные связи благодаря переписке³.

Способность эмоций выходить за рамки тела при помощи эмоциональных репрезентаций объясняет их потенциал к трансформации в групповые эмоции, что иногда называют политическим потенциалом. Это связано с тем, что групповые эмоции призваны объединять и разъединять людей посредством распространения положительных эмоций внутри группы и отрицательных к внешним объектам и группам⁴. Именно политический потенциал эмоций дает нам возможность по-новому подойти к реакции американских граждан на Карибский кризис и на место Кубы в этих событиях.

Группы формируются не только на основе эмоций, но также благодаря сочетанию разделяемых эмоций и ценностей. Саймон

¹ Damasio, 1994., а так же см. подробнее Damasio, 2000; Damasio, 2003. Damasio, 2018.

² Аванская, 2018.

³ Pearsall, 2008.

⁴ Mercer, 2014. P. 515–535.

Кошут выражает схожую мысль, добавляя эмоции к конструктивистскому объяснению отношений между демократическими государствами⁵. Этот подход основывается на общем мировоззрении, ценностях и построении категорий «Мы» и «Они», где симпатия направлена к «Нам», а гнев — к «Ним». При этом добавление ценностей к разделяемым эмоциям становится ключевым для формирования эмоциональных групп и идентичностей⁶.

Личность и поведение Хрущева сыграли важную роль в инициировании писем от американских граждан. Первые письма от американцев начали поступать в июле 1959 года, после телевизионной трансляции дебатов Хрущева и Р. Никсона на Американской национальной выставке в Сокольниках. Хрущев, в обсуждении деталей американского образа жизни, выразил сомнение в правдивости увиденного, в том числе в реалистичности модели типичного американского дома, демонстрируемого на выставке. Этот скептицизм поставил под вопрос американский образ жизни как таковой, включавший комфортный дом в качестве неотъемлемой части. Такой вызов был воспринят американцами как личный, и они начали писать Хрущеву, выражая свое несогласие и объясняя реальную, как им казалось, ситуацию. Многие авторы писем отметили, что недостаток знаний Хрущева об американской жизни и людях стал причиной недопонимания и недоверия между их странами.

Традиция писать политикам письма начала формироваться в XX в. и была направлена на установление личных связей в первую очередь с президентами в тяжелые для страны периоды. Великая депрессия 1929-1939 гг. и последовавшая Вторая мировая война закрепили массовый характер этой переписки⁷. В письмах Хрущеву мы видим перенос этой практики на иностранного политика, более того, на политика страны-противника. Особенности писем как исторического и политологического источника позволяют нам изучать с их помощью

⁵ Koschut, 2018. P. 320–338.

⁶ Аванская, 2023. С. 41–52.

⁷ Sussmann, 1959. P. 204–208.

эмоции, образы и ценности того общества, которое в них отражается. Эмоции и ценности в свою очередь дают нам изучить идентичности авторов писем и степень их идентификации с адресатом.

Все это необходимо нам для того, чтобы определить место Кубы в воображаемых отношениях между сторонами Карибского конфликта, которые мы можем реконструировать при помощи писем американцев. В данной статье мы используем подходы социального конструктивизма, в частности изучение эмоций, которые участвуют в строительстве идентичности и оппозиций «Я» - «Другой»⁸.

Карибский кризис октября 1962 г. стал одним из самых опасных моментов Холодной войны, он поставил США и Советский Союз на грань ядерной конфликта. Кризис начался после того, как американские разведывательные самолёты обнаружили советские баллистические ракеты на Кубе, всего в 90 милях от побережья США. 22 октября о кризисе стало известно американской общественности благодаря обращению президента Д.Ф. Кеннеди, в котором он предупредил о советской угрозе и объявил о морской блокаде Кубы с целью предотвращения дальнейшей доставки военных грузов из Советского Союза. В течение тринадцати напряжённых дней весь мир следил за дипломатическим противостоянием двух сверхдержав. Кульминацией кризиса стало согласие советского лидера Никиты Хрущёва вывести ракеты с Кубы в обмен на обещание США не вторгаться на остров и тайно убрать американские ракеты из Турции. Это решение предотвратило катастрофу, но подчеркнуло опасность ядерного противостояния и необходимость улучшения коммуникации между странами. Карибский кризис оказал значительное влияние на международные отношения. Он подчеркнул реальность катастрофических последствий ядерной войны, и привёл к созданию прямой линии связи между Вашингтоном и Москвой, а также подписанию Договора о частичном запрещении ядерных испытаний в 1963 г.⁹

⁸ Журавлева, 2023.

⁹ См. подробнее: Sheldon, 2005; Colman, 2016; Fursenko, Naftali, 1997.

Большая часть американцев села за письма Хрущёву сразу после трансляции обращения президента Дж. Кеннеди к нации. Его речь была встречена эмоционально, что диктовалось внутренним контекстом США: напряженностью, вызванной ядерными испытаниями как на территории США, так и на европейском континенте, угрозой тотального уничтожения в ходе ядерной войны, страхом перед последствиями ядерного конфликта в случае выживания человечества¹⁰.

Речь президента Кеннеди сообщала не только об угрозе со стороны Советского Союза, но и о готовности Соединенных Штатов к решительному сопротивлению в случае войны. Часть американцев, которая идентифицировала себя со своим правительством, в большей степени поддержала решение Кеннеди о введении карантина и выразила готовность к вступлению в войну, пусть даже ядерную. Но были и те, кто старался вступить во взаимодействие с Хрущёвым и повлиять на его решения:

«Итак, теперь я спрашиваю вас, г-н Хрущев, почему вы отравили военную помощь и ядерное оружие на Кубу? Это потому, что вы хотите, чтобы они напали на нас. Фидель Кастро очень эмоциональный и ненадежный человек, который пожертвовал бы своим народом и страной, чтобы снискать себе дурную славу. Он недобрый и неразумный человек, который не мыслит здраво, как я думаю, вы уже знаете. Вы, г-н Хрущев, не глупый человек, и я знаю, что вы не хотели бы оказаться в одной связке с г-ном Кастро. Итак, я снова спрашиваю, какова ваша цель в отправке ядерного оружия такому дикому и ненадежному человеку, которого не волнует ни одна человеческая жизнь, кроме своей собственной, очень эгоистичному человеку, который может даже выступить против вас, если подвернется возможность. Хотели бы вы, г-н Хрущев, чтобы вас запомнили, как человека, который несет ответственность за ужасную и бессмысленную потерю молодых людей из вашей собственной страны и всех других стран.¹¹»

¹⁰ Аванская, 2024.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. С. 2-3.

Эта часть письма была написана на следующий день после вечернего выступления Кеннеди. Автор хотел повлиять на Хрущёва через противопоставление Фиделю Кастро, тем самым он до некоторой степени объединил США и СССР в этом противопоставлении. Сразу оговоримся, что мы не претендуем на то, чтобы заявлять об искренности суждений автора письма. Для нашего исследования это не нужно, нам важно не то, что американцы в действительности чувствовали в момент написания писем, а то, что они хотели преподнести Хрущёву в качестве своих эмоций, и на какие эмоции хотели спровоцировать его самого.

Текст этого письма является примером того, как авторы выходили за рамки стандартной для Холодной войны оппозиции «Я»-«Другой» и создавали новую, вызванную к жизни Карибским кризисом. Ни в каких других случаях третья страна не становилась общим «Другим» для Советского Союза и США. Это говорит о существовавшем потенциале для объединения этих двух стран в единую эмоциональную группу, подтверждения чему мы продолжим находить и позднее, а также о распространении образа Кубы как более опасного и дикого противника, способного навредить даже своим вчерашним союзникам.

Далее автор дополнил текст своего письма уже после новостей о согласии советской стороны вывести оружие с острова и обещания американского правительства снять карантин с Кубы:

«После того, как я закончил предыдущее письмо, мне стало известно, что вы и ваши заместители согласились убрать ракеты с Кубы, а мы, в свою очередь, прекратили карантин. Это то, что мы, американцы, называем разумной совместной работой. Вас следует похвалить за это разумное мышление. Есть так много хорошего, что обе наши страны могут сделать вместе. Я слышал, что Фидель Кастро недоброжелательно отреагировал на этот шаг, но мы и не ожидали другого. Он слишком похож на диктатора и много кричит, но очень мало разумно размышляет, что не приносит его народу никакой пользы.¹²»

Как мы видим, автор по какой-то причине не отправил пись-

¹² ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. С. 5-6.

мо сразу, но даже по завершении кризиса, решил сделать дописку и все же отослать его. Казалось бы, Хрущёва уже не в чем убеждать, необходимость в письме отпала, но автору все еще хотелось поделиться своим мнением и своими эмоциями. Сконструированная общность с Хрущёвым не перестала существовать, так как эмоции неразрывно вплетены в мышление. Автор являлся носителем ценности человеческой жизни, для ее сохранения он обратился к Хрущёву, будучи уверенным, что тот её разделяет, а потому на него можно попробовать воздействовать. Кастро же в данной ситуации не был воспринят как носитель этой ценности, так как строительство эмоциональной группы требует не только разделяемых ценностей и эмоций, но и кого-то внешнего, кто этих ценностей лишен и к кому необходимо испытывать негативные эмоции.

Кроме того, мы видим как мало места в письме уделено людям, которые живут на Кубе и тоже являются невольными заложниками сложившейся ситуации. Им не повезло, что Кастро не ценит их жизни, но это является аргументом против него, а не причиной активно сочувствовать кубинцам. Американцы часто выражали сочувствие советскому народу, перенося на него свои страхи и ценность семьи и детей, чего нельзя сказать о кубинцах.

К моменту Карибского кризиса в 1962 г. образ Кубы в восприятии американцев уже был сформирован рядом исторических, политических и культурных факторов, что предопределило восприятие острова «Свободы» в качестве значительной угрозы. Эти факторы включали в себя исторические отношения США и Кубы, идеологический контекст Холодной войны, недавние на тот момент события, предшествовавшие кризису, географическую близость Кубы, а также влияние американских медиа и пропаганды.

Исторически Куба находилась в сильной экономической зависимости от США. До революции 1959 года значительная часть экономических активов на острове принадлежала американским корпорациям, что создавало образ Кубы как полуколониального пространства, тесно связанного с Соединёнными Штатами. Однако революция 1959 г., приведшая к возвышению

Фиделя Кастро и свержению режима Батисты, нарушила устоявшийся порядок, что стало восприниматься в США как прямая угроза внешнеполитическим интересам¹³. Превращение Кубы в социалистическое государство, её союз с Советским Союзом и усиление антиамериканской риторики стали символами её нового политического курса, который противопоставлялся традиционному влиянию США в Западном полушарии.

Идеологический контекст Холодной войны также усиливал враждебность американцев к Кубе. Она воспринималась не просто как государство, выбравшее иной политический путь, но как форпост коммунизма в Латинской Америке. От неё ожидалось распространение революционных идей и советского влияния, что вызывало серьёзное беспокойство у Вашингтона. В этом контексте последовавшие провал американской операции в заливе Свиней в 1961 г. и введение экономического эмбарго стали важными этапами в формировании образа Кубы как враждебной державы.

Дополнительную роль играли медиа и пропаганда, которые демонизировали образ Фиделя Кастро, представляя его как диктатора и проводника советской экспансии. Куба превратилась в символ «красной угрозы» в Западном полушарии, что ещё больше усилило страхи американцев. К началу Карибского кризиса Куба уже ассоциировалась в американском сознании с угрозой коммунистической экспансии, изменой прежним союзническим отношениям и непосредственной опасностью, исходящей от её географической близости.

Текст письма, адресованного Хрущеву, отражает уникальное явление эмоциональной и политической культуры эпохи Карибского кризиса, когда Куба впервые стала общим «Другим» для двух противоборствующих сторон — США и СССР. Однако эта тенденция оставалась односторонней: мы не видим примеров того, что американские граждане переходили к прямой идентификации с кубинским народом, для противостояния Советскому Союзу. Куба продолжала восприниматься как объект

¹³ Ларин, 2021; Ларин, 2007; Бородаев, Леонов, 1990; Thomas, 2002; Coltman, 2003; Микоян, 2006; Бородаев, 2007.

опасности и угрозы, а не как равноправный субъект международных отношений. Вместо этого размышления авторов писем фокусировались на глобальной перспективе, в которой человечество рассматривалось как жертва ядерного конфликта и политических игр.

Часть американцев заявляла о своем желании отойти от модели, в которой важны действия только двух сверхдержав, в то время как результаты их столкновений влияют на весь мир:

«Как представители человечества, несущие тяжёлую ответственность перед человеческой расой, вы оба также должны считать ситуацию неприемлемой. Как вы двое (Хрущёв и Кеннеди) можете спорить о манипулировании властью на традиционной основе, когда существование цивилизации стоит под вопросом?¹⁴»

Американцы также высказывали поддержку идее того, что США и СССР обладают слишком большой властью, которую следует передать независимому органу, который будет действовать в интересах всего человечества, а не его отдельных представителей. Главным претендентом на такую роль тогда являлась ООН:

«В результате Кубинского кризиса весь мир находится в очень серьезной опасности. Я также считаю, что этот кризис должен быть урегулирован Организацией Объединенных Наций с большим терпением, пока не будет достигнуто некоторое снижение мировой напряженности.¹⁵»

Эта смена масштаба идентификации — от национального к глобальному — ознаменовала появление нового типа «Другого»: ядерного оружия и ядерной угрозы, которые объединяли США, СССР и всё человечество. Как показывают исследования, такие эмоции, как страх и чувство ответственности, стали основой для формирования транснациональных эмоциональных сообществ. Эти сообщества акцентировали внимание на ключевых ценностях — сохранении жизни, заботе о детях и выживании планеты, которые воспринимались как общие для всего

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. С. 91

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. С. 38

мира. Образ Хрущева в этом контексте претерпел изменения: его часто представляли не как врага, а как отца и деда, способного разделить эти тревоги и принять ответственность за будущее¹⁶.

Таким образом, письма к Хрущеву демонстрируют, как Карибский кризис временно разрушил строгие идеологические границы, заменив их общечеловеческими ценностями. Они иллюстрируют не только эмоциональные репрезентации эпохи, но и процесс формирования новой, глобальной идентичности, в которой место конфронтации заняло осознание общей уязвимости перед ядерной угрозой:

«Я хочу призвать все страны перестать мыслить категориями национальной гордости, сфер влияния и других высокопарных фраз, а думать вместо этого о своих людях – мужчинах, женщинах и детях, которые всегда должны платить цену за поддержание этих нематериальных ценностей.¹⁷»

Проведённое исследование позволило изучить роль образа Кубы в письмах американских граждан, адресованных Н.С. Хрущеву в разгар Карибского кризиса 1962 года. Эти письма представляют собой уникальный источник для анализа общественного восприятия и эмоциональных реакций на события, ставшие одним из ключевых эпизодов Холодной войны. Куба воспринималась не только как физическое пространство или объект международной политики, но и как символ угрозы, вызов устоявшимся представлениям о безопасности и стабильности.

Анализ показывает, что эмоциональное восприятие Кубы в значительной степени формировалось под влиянием идеологических рамок и пропаганды того времени. Исторически сложившаяся зависимость Кубы от США, её радикальная трансформация после революции 1959 года и переход на социали-

¹⁶ Аванская, 2024.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. С. 40

стические рельсы сделали Кубу олицетворением «предательства» и угрозы. Медиа активно демонизировали Кубу и её лидера Фиделя Кастро, представляя их как опасных и иррациональных акторов, что усиливало негативные стереотипы в общественном сознании. В письмах американцев этот образ проявился через эмоциональные конструкты, в которых Куба становилась «Другим», а её роль в конфликте рассматривалась с позиций угрозы как для США, так и для Советского Союза.

Применение подходов социального конструктивизма позволило рассмотреть письма не только как выражение индивидуальных эмоций, но и как инструмент создания групповых идентичностей. Эмоции, выраженные в письмах, способствовали формированию эмоциональных сообществ, объединённых противостоянием ядерной угрозе. Эти письма иллюстрируют, как страх, гнев и тревога трансформировались в попытку выстраивания диалога с советским лидером. В то же время часть писем демонстрирует попытку обратиться к общечеловеческим ценностям, таким как сохранение мира и человеческой жизни, таким образом преодолевая идеологические границы между противоборствующими странами.

Значимым результатом анализа стало выявление роли Хрущева как адресата, способного спровоцировать уникальные эмоциональные реакции. Многие письма показывают, как американцы видели в нём не просто лидера страны-противника, но и человека, способного понять и разделить их чувства. Это открывает новые возможности для изучения эмоциональной дипломатии и её влияния на политические решения. В некоторых письмах Хрущев противопоставляется Кубе и её лидеру, что отражает сложное восприятие Кубы как "проблемной территории", несущей угрозу.

Карибский кризис стал катализатором для формирования новых форм идентичности. В письмах прослеживаются попытки выйти за рамки национальной принадлежности и обозначить человечество как единую эмоциональную группу, где на первое место выходит забота о будущем детей и сохранении мира. Однако эта тенденция не охватывала Кубу и её народ, авторы распространяли свои эмоции на советских людей и переходили к

описанию всего человечества, не ссылаясь на кубинцев, что подчёркивает ограниченность идентификационных механизмов того времени. Кубинцы, несмотря на их непосредственную вовлечённость в конфликт, оставались на периферии эмоционального восприятия американцев.

Особую ценность писем как исторического источника составляет их способность демонстрировать сочетание личных и групповых эмоций. Эти тексты позволяют изучать не только индивидуальные реакции, но и коллективные настроения, возникавшие под влиянием глобальных кризисов. Письма дают возможность выявить сложные процессы взаимодействия эмоций и ценностей, которые формировали представления о «своих» и «чужих», а также о возможностях сотрудничества в условиях глобального конфликта. Однако исследование показало и ограничения данного источника. Личное письмо не позволяет в полной мере реконструировать политические взгляды и принадлежность авторов, а также их место в социальных структурах. Тем не менее письма предоставляют уникальную возможность изучить, как глобальные события отражались в повседневной жизни и эмоциональном мире обычных граждан.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Карибский кризис был не только военно-политическим противостоянием, но и значимым этапом в эволюции эмоциональных групп и идентичностей. Письма американцев Хрущеву отражают сложные процессы, в которых эмоции играли центральную роль, определяя восприятие международных событий и формируя рамки их осмысления. Исследование этого материала не только углубляет наше понимание Холодной войны, но и открывает новые перспективы для изучения роли эмоций в международных отношениях и политической истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCIAS

Аванская В.А. Страхи и надежды ядерного века: возобновление ядерных испытаний в СССР как фактор формирования новых идентичностей у американцев // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 10

- (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032960-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840032960-5 (дата обращения: 01.12.2024). *Avanskaya V.A.* Strahi i nadezhdy yadernogo veka: vozobnovlenie yadernyh ispytanij v SSSR kak faktor formirovaniya novykh identichnostej u amerikancev // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2024. T. 15. Vypusk 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032960-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840032960-5 (data obrashcheniya: 01.12.2024). [Fears and Hopes of the Nuclear Age: Resumption of Nuclear Testing in the USSR as a Factor in the Formation of New Identities among Americans]
- Аванская В.А.* Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущёву) // *Россия и современный мир*. 2023. № 2 (119). С. 41–52. *Avanskaya V.A.* Karibskii krizis v emotsional'nykh reprezentatsiyakh amerikantsev (na primere pisem amerikanskikh grazhdan N.S. Khrushchevu) // *Rossiya i sovremennyi mir*. 2023. № 2 (119). S. 41–52. [Cuban Crisis in the Emotional Representations of Americans (using letters from American citizens to Nikita Khrushchev as an example)]
- Аванская В.А.* Методология изучения эмоций в международных отношениях // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2018. № 3. С. 43–60. *Avanskaya V.A.* Metodologiya izucheniya emotsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. № 3. S. 43–60. [Methodology for the Study of Emotions in International Relations]
- Бородаев В.А., Леонов Н.С.* Ф. Кастро. М., 1990. *Borodaev V.A., Leonov N.S.* F. Kastro. M., 1990. [F. Castro]
- Бородаев В.А.* Кубинская революция и становление новой политической системы, 1953–2006. М., 2007. *Borodaev V.A.* Kubinskaya revolyuciya i stanovlenie novej politicheskoy sistemy, 1953–2006. M., 2007. [The Cuban Revolution and the Establishment of a New Political System, 1953–2006.]
- Журавлева В.И.* «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs со-

- ветское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028758-2 (дата обращения: 01.12.2024). *ZHuravleva V.I.* «Holodnaya vojna obrazov» v politicheskoy karikaturistike: amerikanskoe messianskoe poslanie vs sovetskoe // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028758-2 (data obrashcheniya: 01.12.2024). [The Cold War of Images in Political Cartoons: American Messianic Concept vs Soviet Messianic Concept]
- Ларин Е.А.* Новейшая история стран Латинской Америки: Куба: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. *Larin E.A.* Novejshaya istoriya stran Latinskoj Ameriki: Kuba: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2021. [Modern history of Latin American countries: Cuba: a textbook for universities]
- Ларин Е.А.* Политическая история Кубы XX в. М., 2007. *Larin E.A.* Politicheskaya istoriya Kuby НКН v. М., 2007. [Political history of Cuba in the 20th century.]
- Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006. *Mikoyan S.A.* AnATOMIYA Karibskogo krizisa. M., 2006. [Anatomy of the Cuban Missile Crisis.]
- Colman J.* The Cuban Missile Crisis: Origins, Course and Aftermath. Edinburgh, 2016.
- Coltman L.* The real F. Castro. New Haven; L., 2003.
- Damasio A.R.* Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. NY: Avon Books, 1994.
- Damasio A.R.* Looking for Spinoza: joy, sorrow and the feeling brain. Orlando, Austin, NY: A Harvest book, Harcourt, Inc., 2003.
- Damasio A.R.* The feeling of what happens: body and emotion in the making of consciousness. NY: Mariner books, 2000.
- Damasio A.R.* The strange order of things. Life, feeling and the making of cultures. NY: Vintage books, 2018.
- Fursenko A.A., Naftali T.J.* "One Hell of a Gamble": Khrushchev,

- Castro, Kennedy and Cuban Missile Crisis. 1958- 1964. NY; L., 1997.
- Koschut S.* No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace // Cooperation and Conflict. 2018. № 53. P. 320–338.
- Mercer J.* Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // International Theory. 2014. Vol. 6. № 3. P. 515–535.
- Pearsall S.* Atlantic Families: Lives and Letters in the Later Eighteenth Century. Oxford, 2008.
- Stern S.M.* The Week the World Stood Still: Inside the Secret Cuban Missile Crisis. Stanford, 2005.
- Sussmann L.* Mass Political Letter Writing in America: The Growth of an Institution // The Public Opinion Quarterly. 1959. Vol. 23. № 2. P. 204–208.
- Thomas H.* Cuba: the pursuit of freedom. L., 2002.